

ИНОГДА ПРОШЛОЕ —
единственный путь в будущее

вчера я подарил тебе завтра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адам Ким

Вчера я подарил тебе завтра

«Автор»

2026

Ким А.

Вчера я подарил тебе завтра / А. Ким — «Автор», 2026

- И для чего же, все это было? - Спросил я, - Для великой цели, или же шутки ради? - Возможно, ответ ты узнаешь только тогда, когда твое одиночество уже не будет значить что либо.

© Ким А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
1	7
07.09.2025	7
20.08.2005	10
08.09.2025	12
12.09.2025	13
19.07.2010	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Адам Ким

Вчера я подарил тебе завтра

Пропитанный табачным дымом воздух вынуждал мои легкие работать в режиме турбо. По густым клубам дыма, дрейфующим вверх-вниз в узком, кафельной пространстве, я понял, что несчастное, крошечное окошко ромбовидной формы, соединяющий ванную и кухню перестало выполнять свои вытяжные функции. Мне, лежащему в блеклой луже разжиженной соединительной ткани, внезапно подумалось о том, что следующим жильцам сильно не повезет, если только они не окажутся заядлыми курильщиками.

Я лежал ровно посередине комнаты перед бельевым тазиком с холодной водой. Недокуренные окурки вокруг меня, казалось, очерчивали мой силуэт, как на месте преступления в дешевых западных детективах. Из носа не переставая вытекала тонкая струйка крови, образовав кровавое месиво на холодном кафеле, что придавало общей картине еще больше брутальности.

— Еще... Я должен попробовать еще раз. — Продолжал я себя мотивировать безучастным полусшепотом. Я попытался сконцентрировать всю оставшуюся силу в спинальных мышцах, дабы наконец принять горизонтальное положение, однако, тщетно. Потерявший слишком много крови, обессиленный организм требовал восполнить энергию горячим чаем с минимум тремя кубиками сахара, но время было ограничено, ибо я понимал, если я потеряю сознание в нынешнем состоянии, приду в себя, я, очевидно, не скоро, так что я продолжил предпринимать попытки преодолеть свою физиологию раз за разом. В конце концов, после нескольких неудачных попыток, я принял сидячее положение. Оперевшись руками об стертые колени, и резким рывком, движимый ненавистью к самому себе, подался вперед, попутно проклиная тот день, когда я впервые попробовал сделать то, что делать мне категорически не стоило. От резких движений в глазах потемнело, я бы подумал, что кто-то выключил свет в ванной, если бы только я своевременно не вспомнил, что живу один, с некоторых пор. Чисто механически, как это всегда и происходит в ванной комнате, взгляд упал на зеркало напротив меня. Никаких пресловутых скримеров, или того хуже, скалящегося альтер-эго в зеркале я не увидел. Лишь измотанный парень средних лет, с остекленелым взглядом и неоднозначным прошлым. Я закурил ещё одну сигарету, и сев перед тазиком, окунул бледную руку в ледяную воду медно-алого цвета. Неприятных ощущений я не испытал, даже несмотря на то, что озноб тревожил меня уже с неделю. Сделав ровно три глубокие затяжки, я бросил недокуренную сигарету в небольшую лужицу недалеко от меня.

— Еще раз. На счёт три. Раз... два... три...

Собрав незначительные остатки воли в кулак, стиснув зубы до характерного скрежета, я окунул еще сырую голову в тазик, и мысленно начал отсчет от десяти, как тому меня и учила Ангелина.

Десять... Очнувшись в мутной воде, я не увидел ничего, кроме монотонного, красного фона.

Девять... По продрогшему телу стремительным потоком начало разливаться необъяснимое тепло.

Восемь... Затопленный, кровоточащий нос начал улавливать едва-уловимый, но, казалось, знакомый аромат домашней закваски.

Семь... В ушах раздался характерный звон. Логично предположить, что в ушах зазвенело от перепада давления из-за резкого погружения в воду, но ассоциировал я этот звон, конечно же, со школьным звонком.

Шесть... Чья-то рука начала упорно и яростно давить на мою макушку, будто бы преследуя цель окончательно и безповоротно утопить меня в этом жалком тазике. Громаднейшая ладонь, обхватившая мою голову как баскетбольный мяч, и на мгновение мне показалось, сильно знакомая по строению, хоть и не до конца понятно, как я смог распознать хозяина ладони одной лишь макушкой.

Пять... Кислорода в легких оставалось на считанные секунды. Казалось что мои глазные яблоки на грани взрыва. Слишком рано, ещё немного... Глубоко в сознании раздался пронзительный детский плач, а за ним последовали неразборчивые женские вопли, до боли знакомые. До боли в прямом смысле. По всей видимости, от недостатка кислорода начались галлюцинации. Надо не забыть позвонить Зинке, когда все закончится.

Четыре... Тело начало потихоньку слабеть, а сознание так и норовило покинуть меня в любой момент. Появилось необъяснимое ощущение, будто бы я не один в помещении. Все еще находясь в полусознании, я отчетливо улавливал знакомые вибрации знакомой походки. Эта неподражаемая походка, как пить дать, принадлежала Фрейду. Я не спутаю ни с чем его неврастеническое хождение кругами, ритм которого осел у меня глубоко на подкорке. Как же хочется вынырнуть ненадолго и спросить, какого черта он забыл здесь, но осталось совсем немного.

Три... Красный фон постепенно окрасился в черный. Похоже, мое сознание полностью абстрагировалось от внешнего мира. Я плыл в невесомости, в реке своих изуродованных воспоминаний. Бестелесное обоняние уловило знакомый запах дешёвого табака. Мои щеки горели, как после хлестких отцовских оплеух, которые тотчас же сменялись неловкими мужскими поцелуями в темечко и поглаживания за ухом. Я предполагал, что все эти редкие отцовские проявления нежности предназначались вовсе не для меня.

Два... Пряный аромат маминой выпечки. Невнятный монолог на древнем, незнакомом мне языке, из которого отчётливо можно вычленишь одно лишь “Amen”. То прямое обращение Бога, снизошедшего до меня?

Один...

Одна...

— Ещё одна попытка. Все еще можно исправить. Умоляю, только потерпи ещё немного, Рита...

Ноль. Беспросветная пелена. Связь с реальность утрачена окончательно. Мой разум более не властен над моим телом. Одно лишь сердце все продолжало самозабвенно отбивать ритм ее имени глуховатым и неторопливым биением.

АН-ГЕ-ЛИ-НА.

1

07.09.2025

Я проснулся от отчаянного и душераздирающего воя, раздавшегося в доме. Глаза открылись рефлекторно, в то время как затхлое в ночном зное тело все еще не желало реагировать на команды. Музыка была мне в новинку, хоть я и опознал исполнителя. Иной раз, имея неосторожность ненароком отдалить собачьи конечности, либо же, в попытках обделить вниманием тонкую собачью душеньку, Коксик тут же давал мне об этом знать, устраивая подобные перформансы. Я так же часто слышал нечто подобное за только что закрывшейся дверью, уходя на работу, но именно сегодняшний ночной скулеж насторожил меня не на шутку. Самого Коксика в комнате не оказалось. Я дотянулся до телефона: — 4:25.

Пролежав некоторое время в этой гнетущей атмосфере, под аккомпанемент четырехногого, в доме наконец наступила привычная тишина. Я предположил, что Коксик просто проводил припозднившегося с ночного randevu соседа до квартиры. С фальшивым чувством умиротворения, я принудительно закрыл глаза, чтобы проснуться вновь, уже на рассвете, под аккомпанемент уже других, пернатых исполнителей, но слишком предсказуемо, голова предательски разболелась.

Сколько себя помню, я всегда плохо переносил боль, особенно душевную, что ни разу в жизни не обернулось для меня в положительном ключе. Так и в этот раз, не в силах справиться с ней, я принял беспрецедентное решение встать с кровати. Не нащупав под ногами тапочек, я поплелся по липокму полу босиком на кухню. Глаза устроили мне забастовку, отказываясь фокусироваться на чем либо. Ловким и натренированным хлопком по выключателю, я включил свет в комнате, о чем сразу же пожалел. Планировка квартиры позволяла свету, включенному в одной комнате осветить весь дом. Я вышел из комнаты. Коксик лежал у входной двери, подперев поникшую мордочку лапами, не обращая никакого внимания на внезапную иллюминацию, да и к сонному мне у него тоже не было заинтересованности. Кроме полукоткрытых глаз, признаков жизни он не подавал.

Утро выдалось малоприятным. Никак не ожидал что мое артериальное давление способно на такую подлость, в то время как ни о чем не подозревающий я, спал младенческим сном. Ведь и причин никаких не было. Честно признаться, я часто грешил, пропустив чашку-другую черного кофе перед сном. В особо трудные периоды моей жизни, это даже становилось таким себе ритуалом, после которого, по утру я чувствовал необъяснимую бодрость, и просыпался без особых усилий. Но прошлой ночью, после плотного ужина, купленного в круглосуточном магазине, под новую серию незамысловатого юмористического шоу, я уснул без всяких проблем, забыв даже помыться перед сном. Не хотелось бы в очередной раз забивать голову недалекими теориями о том, что мой организм изнемогает желанием убить меня, но обстоятельства подбивают на такие размышления.

Рита, моя старшая сестра, никогда в жизни не испытывала проблем со здоровьем, в отличие от меня, а я, со своей стороны, конечно же воспринимал этот факт как вселенскую несправедливость. Говоря откровенно, Рита превосходила меня во всем, особенно в глазах соседей, друзей, одноклассников, отца. Она никогда не была ангелоподобной красавицей, но даже так, она всегда пользовалась огромной популярностью у сверстников и не только. За годы размышлений на предмет невероятной притягательности Риты, я выделил одно, всего одно чертотово качество, на котором, по моему скромному мнению и строилась репутация Риты, это — уверенность. Уверенность в своей неотразимости, в своей индивидуальности, в своей незаменимости, в своем будущем, в своем прошлом, в своем окружении, в том, что не существует

парня, способного противостоять доминантным чарам Риты. Она была непоколебима в своей воле, что меня, слабовольного червяка, конечно же раздражало. Сейчас, спустя месяц после ее смерти, понемногу начало приходить осознание, что возможно, я завидовал всем тем качествам, за которые ее ненавидел. Банальная человеческая зависть.

Однако, даже такой червь как я, был избранным для кого-то. Например для мамы. Язык не повернется сказать, что она каким-то образом обделяла Риту во внимании, но мне, по праву младшего, этого внимания доставалось значительно больше. Обычно, после наших частых конфликтов, или же, справедливее назвать это травлей меня со стороны Риты, родители не бежали сломя голову, раздавать нам тумаков (что было бы, кстати справедливо). Но, как примерные родители, какими они себя считали до поры до времени, они не могли оставить все как есть, да и зная характер Риты, конфликты могли оставаться неразрешенными на очень долгое время. Роль примирителя, почти всегда на себя брала мама. Она ждала пока гроза в квартире стихнет, а тучи над нашими головами разойдутся, и одарив меня нежным, материнским взглядом с плохо скрываемой жалостью, приказывала Рите зайти в комнату, чтобы “поговорить”. До сих пор, остается лишь догадываться о предмете их “разговоров”, но по ощущениям, длился он долго. В это время, пока я ждал окончания судебного процесса над Ритой, часто, почти всегда, ловил на себе прикованный ко мне, осуждающий взгляд отца. Даже сейчас, будучи практически одной возрастной категории с отцом из моего детства, найти эпитеты, дабы описать тот характерный отцовский взгляд, не в моих силах. Можно с уверенностью заметить, что во взгляде читалась не одна конкретная эмоция, а целый спектр. Это были и неумело скрываемые нотки ненависти и брезгливости, с алыми капиллярами-паутинками, под слегка замыленным зрачком с примесью презрения, что читалось по слегка натянутой линии губ, и раздутым, бликующим ноздрям.

После окончания так называемого “разговора”, я наблюдал как сначала из комнаты истерично вываливается Рита, с выражением лица точь-в-точь как у отца. Искренним раскаянием и не пахло. Да что там, даже банальным взглядом в мою сторону она меня никогда не одаривала. Устремившись к входной двери, не замечая ничего вокруг, не говоря ни слова, уходила из дома, а после, возвращалась к позднему вечеру, пропустив ужин.

Когда из комнаты выходила мама, мои эмпатические способности давали сбой, и я не мог распознать ни единой эмоции на ее лице, может и попросту и не было. Она просто возвращалась в бытовую суету, как будто ничего и не произошло, и дальше, в семейном кругу, мы никогда к этому не возвращались.

Сейчас, преодолев рубеж в третью декаду, я не могу даже сфантазировать предмет их разговоров в комнате. Могу ручаться лишь за то, что, какая ситуация бы не произошла между мной и Ритой, мама всегда была на моей стороне. Она была на моей стороне, даже когда в затуманенном рассудке лежала в пансионате, и даже когда ее болезнь стремительно прогрессировала, и она, смотря на меня и Риту, не могла различить кто есть кто, интуитивно она была на моей стороне.

С возрастом, примеряя на себя амплуа моих родителей, я осознал природу многих вещей, что раньше оставались для меня загадкой. Кое о чем, даже в инфантильном возрасте, я, конечно же, догадывался, но как только догадка перетекала в предположение, я гнал от себя эти мысли как назойливую мошкарку. Суть в том, что в юности, мы часто задумываемся о том, как устроен этот мир. И в силу юношеского максимализма, часто, находим ответы, не озираясь на страх. Только вот, стоит гормонам прийти в норму, как мы сразу становимся слишком пугливыми, и не готовыми брать ответственность. С возрастом страх постепенно уходит, и невольней приходится брать на себя ответственность за многие аспекты жизни, но так же уходит и желание искать ответы.

Когда была возможность, я не мог найти в себе смелость, чтобы пообщаться с родителями на интересующие меня темы, но желания, конечно же было не отнять. Моя мать, была слишком

набожна, чтобы поставить под сомнение религиозные устои, а отец, человек старой закалки, воспитанный во времена перестройки, считал наши с Ритой увлечения, следствием чрезмерного влияния запада, а увлечения мамы бессмысленной попыткой побега от реальности.

— «Религия — опиум для народа!» — Неустанно цитировал небезызвестного деятеля отец. Как-то раз отец в очередной раз скандировал эту фразу, и сразу же подметил, что вера в религию, и вера в бога, кардинально отличны. Сказал он это, в ответ на упрашивания Риты отпустить ее на воскресное служение в церковь. И сейчас, и тогда, я понимал причину ее резкого, фанатичного увлечения религией. А религию эту звали Марк – одноклассник Риты, живший через два дома от нас. Семей, выходцем из которой был Марк, в нашем городе хватало с лихвой. Переехали они спонтанно, и как часто бывает с приезжими, сразу же стали предметом обсуждений для местных сплетниц и сплетников. Слухов ходило достаточно, как среди моего окружения, так и во взрослом кругу, что способствовало их популярности, пусть и не в самом благоприятном ключе.

Не вдаваясь в детали, по повадкам Риты было понятно даже мне, что этот воспитанник маргинального общества был ей небезразличен. При всех ее качествах, как часто бывает по сценарию, вкус на парней у Риты прихрамывал, проще говоря, ее всегда тянуло на мудаков. На сколько мне известно, парой они так и не стали, но влияние на мою доверчивую сестру, он оказал колоссальное.

20.08.2005

В то воскресное утро, не смотря на отказ отца, которому предшествовала, казалось, декада томных атеистических лекций, Рита все же умудрилась улизнуть из дома, воспользовавшись моментом. Этот бессмысленный спор произошел за завтраком, я был невольным свидетелем. Дожевывая пригоревшую снизу глазунью, я старался не поднимать глаз, но ушами, анализировал каждое слово. Более того, от школьных приятелей, я знал о Марке куда больше этих двоих. Знал о том, что по воскресным утрам, этот якобы богоугодный мученик и ярый приверженец церкви, во время служений, не умолкая ни на секунду декламирует любовь к богу и к ближнему, но воскресными вечерами, не подолбить всякую дрянь на заднем дворе школы или в старых заброшках, которой сам же и барыжил, в компании таких же просветленных.

Вернулась Рита лишь к вечеру следующего дня. Я не в силах вспомнить состояние, в котором она заявила домой в тот день. Подозреваю, что в пробелах в моей памяти виноват мозг, всеми силами пытающийся защитить мою психику от воспоминаний того дня. Помню лишь то, что был насыщенный осенний вечер, смеркалось. Я сидел на крыльце, и занимался своим любимым делом – разглядывал смутное, омрачившее небо. В глубоком детстве, при первом проявлении этой чудной привычки, родители выражали беспокойство о моем душевном состоянии, но со временем свыклись, или же забили болт, разочаровавшись во мне окончательно. В свое оправдание могу сказать, что, незамысловатые действия, помогающие мне ощутить невидимые струны, связывающие меня с этим миром, всегда вызывали у меня неподдельный интерес.

На горизонте замаячила Рита. Я узнал ее не сразу, так как ей доставало пары вещей из того образа, в котором она улизнула из дома, воспользовавшись отцовской непреодолимой слабостью к воскресному дневному сну. Было слишком темно, чтобы я сумел заприметить Риту издалека, но по мере ее приближения, сомнений, что это она, становилось все меньше. Не обращая на меня никакого внимания, будто я местный бомж с ампутированной ногой, жалобно вымаливающий подаяний, она прошла мимо. В моем детстве, она часто выражала так свое пренебрежительное отношение ко мне, но как ни странно, в эту ночь, меня это даже не задело. Так же, рассмотрев ее вблизи, я заметил ее уж слишком вычурный макияж. Такую манеру макияжа я часто замечал у своих одноклассниц на школьных вечеринках, но что о Рите, моя сестра всегда отличалась изысканностью и хорошим вкусом в отношении себя. В нос ударил шлейф обрывистого и терпкого перегара, когда она прошла мимо меня. Так “благодарил” отец, приходивший поздней ночью, после своих “принудительных” корпоративов. Нехитрой арифметикой, я пришел к выводу, что корпоратив Риты тоже удался.

Поднявшись неспешными, размеренными шажками вверх по крыльцу, она замерла, закончившим взглядом уставившись во входную дверь. — Ну точно в стельку, — подумал я.

— Мама еще не спит. — Пробубнил я себе под нос, подумав что Рита боится столкнуться с одичавшими от волнения родителями. — Она со вчерашней ночи ждет тебя на кухне.

Я не преследовал цель пристыдить ее, в ее состоянии это было бы бессмысленно. Мама и в самом деле ждала Риту целые сутки, напроць забыв о том, что в доме существуют и другие комнаты, кроме кухни, а физиология здорового человека требует хоть иногда, ходить в туалет. Я не заметил никакой, даже мимолетной реакции на лице Риты, после моих слов. Не дождавшись никакого ответа, я вернулся к привычному занятию, твердо решив даже не пытаться выродить легкомысленную сестру перед мамой. Переведя взгляд с окаменелой Риты на звездное небо, мне показалось они их очертания стали выразительнее, а мерцание — насыщенным. Ясное звездное небо в богом забытой промзоне было редкостью. Наверное поэтому, этот редкий звездный пейзаж вызывал во мне дикое внутреннее волнение.

Закрыв глаза — молочные жемчужины все так же простирались в неведомой дали. Все что я запечатлел в ту ночь — смертельно бледный полумесяц будто бы из воска, в окружении тысячи белесых огоньков, все что я услышал за пеленой обратной стороны век — абсолютная тишина, периодически прерываемая сдержанными отцовскими всхлипываниями.

08.09.2025

“Возможно ли вылечить того, кому предначертано быть больным? Да и есть ли в этом смысл?”

Отправитель: Марк Аврелий.

— Очередной спам. — Сказал я про себя, закрывая почту.

Ночь выдалась беспокойной. Четвертая кружка растворимого кофе, не справилась с непосильной миссией — вернуть меня в сознание. Несколькими часами позже моего пробуждения, поступил звонок с незнакомого номера. Я редко отвечаю на звонки с незнакомых номеров, но в этот раз даже мой внутренний сгорбленный интроверт настоял на том, чтобы я поднял трубку. Меня связали с городской больницей. Робкий женский голос на другом конце провода, начал задавать конфиденциальные вопросы. Наконец удостоверившись в моей личности она перешла к делу.

Не могу вспомнить разговор дословно, так как все эти наводящие вопросы знатно потрепали мне нервы. Я допил уже остывший кофе одним глотком, и не дослушав слова утешения, положил трубку.

В помутненном рассудке раз за разом всплывала одна лишь фраза.

“7:15. Краснова Маргарита.”

Сам тот факт, что Риты больше нет, я принял на удивление легко, хоть с возрастом мы и стали ближе, забыв все детские обиды. Я понимал, что Рита в последние годы заигрывала со смертью. Честно признаться, бомб предположить, что стало отправной точкой. Детские травмы, расставание с этим уродом, смерть отца, болезнь матери, причин было много, ровно столько, сколько и попыток предаться смерти. И я понимал, что моя всегда сильная и независимая сестра, которую я ненавидел первую половину жизни, и на которую я стремился походить во второй половине, сильно ослабла.

Радует во всей этой ситуации лишь то, что родители не будут горевать по трагически ушедшей дочери. Скорее всего, мама даже и не вспомнит о том, что у нее есть, точнее была дочь, и может быть, только ее материнский инстинкт, затворенный в клетке собственного сознания, заставит ее выпустить пару скорбящих слезинок. Отчетливо могу представить лицо отца, в момент, когда он встретится с Ритой, и напрямую узнает от нее о причине ее смерти. Если предположить, что на том свете, люди сохраняют свой исходный характер, то ставлю на то, что отец будет жутко недоволен, и даже обижен своевольным уходом из жизни Риты.

Допускать проявления слабости перед отцом, в нашем с Ритой детстве было недопустимым, если, мы, конечно, не желали получить звонкую и отрезвляющую оплеуху в тотчас. Хотя в отношении Риты он часто ограничивался лишь нравоучительными лекциями. Смешно заметить, что отец, как человек, воспитанный в коммунистическом обществе, никогда не поощрял мои доклады на сестру, напротив, все мои потуги по восстановлению справедливости считал недостойными, называя меня, как сейчас помню “баламутом”, и часто отсылался к родне со стороны мамы.

Помнится, отец постоянно ставил мне в пример Риту, как человека (замечу что именно человека, не ссылаясь на ее пол) неустанно следующим предписанным им же правилам. По его словам, Рита имела все задатки, чтобы стать полноценным членом общества. Конечно, отец никогда не говорил мне открыто о том, что мне, с моими задатками, дорога в цивилизованное общество закрыта, но по его отношению, было очевидно, что его методы воспитания потерпели на мне крах.

12.09.2025

Вернувшись домой, после похорон Риты, на пороге меня ожидал Коксик, игриво виляя хвостом. Коксик, очевидно, ожидал что я, в привычной манере, прямо с порога заведу с ним беседу, пересказывая все события, произошедшие за день, но ни сил, ни желания не было. Я подумал, что неплохо было бы вывести Кокса на прогулку, погода располагала, но перед этим не могу отказать себе в чашке крепкого кофе.

Сварив кофе, я расположился поудобнее перед компьютером, и принялся мониторить почту. Новое письмо, как я и ожидал. Мне не терпелось открыть его, было до ужаса любопытно узнать, кто был автором этого письма на этот раз.

“Верю, люди не нуждаются в колыбельных, сказках на ночь, снотворных. Истинный покой они обретают лишь тогда, когда перестают бороться.”

Отправитель: Г. Гегель.

Выгоревшее здание заброшенной психбольницы в окружении лишенных всякой эстетики тополей маячило на горизонте. Отправившись с Коксом на прогулку по привычному маршруту, я решил освободить Кокса от обременительных оков ошейника, так как был полдень, а значит все дети находились в школе. Желудок предательски подводил, то и дело напоминая о том, что за последний два дня, в нем не оказалось ни крошки. Обычно, выгул Коксика никогда не занимал много времени, всегда следуя одному и тому же протоптанному маршруту на протяжении многих лет. Признаться честно, я, в отличие от других, более ответственных хозяев, не убирал за Коксом следы его жизнедеятельности. Объясняю я это без зазрений совести тем, что по протоптанному одним только мной маршруту, редко кто ходит. Все обходят это место за километр, не забывая при возможности перекреститься, за что я, конечно, их не осуждаю. Я шел медленно, Кокс следовал за мной, чуть отставая. Мертвецкая тишина, прерываемая стрекотом цикад действовала на меня губительно. Раз за разом, я ловил себя на мысли, что не могу отделаться от воспоминаний минувших дней.

— Лев Краснов? — Обратилась ко мне медсестра психиатрического отделения. — Примите мои искренние соболезнования, — Не дождавшись от меня ответной реакции, жестами велела следовать за ней.

Минут десять она быстрым шагом вела меня вглубь больницы по плохо освещенным, дурно пахнущим коридорам, изредка поглядывая, боясь упустить меня в толпе безмятежных шизиков. Со дня госпитализации Риты прошло чуть больше полугода, Но здесь я был впервые, потому не очень уверенно ориентировался. Зайдя в лифт, медработница любезно придержала кнопку, подзывая меня безразличным взглядом и неискренней улыбкой. Лампочка в лифте мигала как ментовской бобик, а в нос мне ударил сильный смрад. Все эти обстоятельства заставили мою латентную клаустрофобию разыграться не на шутку.

Наконец, прервав неловкое молчание, она оповестила меня о цели моего визита в больницу. Она объяснила мне, что нужно забрать вещи покойной, а также дать разрешение на вскрытие, с целью установки причины смерти.

Что касается вещей Риты, ума не приложу на что они мне сдались, и как я смогу их использовать, если только среди них нет ювелирных украшений. Сохранить ли ее личные вещи, или сжечь, не являлось приоритетным вопросом. Над этим я могу поразмышлять в более спокойное время.

Уж не знаю что должно показать вскрытие, если в заключении смерти причиной была указана, если я правильно помню, превышение нормы или же нежеланная реакция на назначенные медикаменты. Рита не была профаном в медикаментозных делах, поэтому и причин сомневаться в том, что она каким-то образом, даже под строжайшим наблюдением врачей и медработников (или не очень), умудрилась провернуть сомнительную махинацию, у меня не

было. Возможно мама, будь она в здравом уме, разбитая горем, могла бы потребовать вскрытие, для более точного заключения. А вдруг больница скрывает настоящую причину смерти Риты? А вдруг они выписали ей не те лекарства? А вдруг ей насильно затолкали в глотку горсть таблеток? Любящее материнское сердце готово поверить во все что угодно, но только не в то, что ее окружённая любовью и заботой дочь, со смертельной горстью в руке, после долгих колебаний, решает отправиться к отцу.

Что касается ее попыток уйти из жизни, я и сам был свидетелем одной из них, единственный из нашей семьи. По словам Риты она пыталась отправиться к отцу как минимум три раза, но возможности проверить это, уже не представлялось.

19.07.2010

— Хватит тебе уже жить прошлым, — Причитала мама, по видимому, в ответ на ворчания отца. — Время вспять не повернуть, и ничего не исправить.

Послеобеденное время на летних каникулах, за неимением неотложных дел или заранее запланированной программы досуга, казалось, идет целую вечность, и я, от скуки, а так же в силу своей неутомимой любознательности, и страсти к интригам, решил проверить, с кем и по какому поводу ведет разговор мама.

Выглянув из-за своей комнаты, смежной к кухне я увидел, что домочадцы до сих пор не справились с уже остывшим обедом, а вместо этого между родителями возник нешуточный конфликт. Точнее сказать, инициатором конфликта была мама, яро скандируя что то про разницу поколений и сравнительно безопасное время, отец стойко парировал ее нападки, при этом даже не отрывая взгляд от газеты. Рита же сидела, уставившись в свою тарелку, истязая оставшиеся от жаркого кабачки вилкой. Думаю на месте кабачка, она представляла голову отца.

После нескольких минут активного шпионажа за родителями, до меня наконец дошла суть конфликта. Причиной же была просьба Риты отпустить ее на несколько дней на море, вместе с друзьями.

Неустанный галдеж мамы резко сменился затишьем. — Ты от меня ничего не скрываешь? — Спросил отец, после недолгой паузы, все так же не отрывая глаз от газеты.

— Я уже сказала, меня позвала Геля, — с едва уловимым раздражением бросила Рита. — Только Катя и ее семья, его там не будет.

Казалось, Рита хотела еще что-то добавить, но мама, с явным остервенением бросая грязную посуду в раковину, произнесла приказным тоном: — Если ты доела, можешь идти в комнату.

Дождавшись пока дверь в комнате Риты захлопнется, под успокоившись, мама села напротив отца, на место Риты, и тихим, равномерным голосом спросила: — Зачем ты опять начал разговор об этом?

— Рита сама упомянула о нем. — Парировал нарочито равнодушный отец.

— Нет ничего странного в том, что молодая, красивая девушка хочет хорошо провести время в компании своих друзей.

— Молодая и красивая, да. И к чему это привело в тот раз? — Отец наконец отложил газету, и пристально уставился на маму, закинув ногу на ногу. — Если тебе угодно, можешь ехать на все четыре стороны, хоть на море, хоть на Аляску.

Выдержав небольшую паузу, отец встал из за стола, и сделал пару шагов в направлении мамы, и слегка наклонился к ее лицу, все так же сохраняя с ней зрительный контакт. Когда расстоянии между их лицами осталось всего ничего, отцовские глаза залились кроваво-алым соком, а прокуренные, сухие, посиневшие губы задрожали, будто собираясь извергнуть проклятье. — Я не собираюсь рисковать своим единственным ребенком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.